

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.3>

Герман Роман Эдуардович

[Историческая роль крепостей в освоении Северного Кавказа Россией в конце XVIII - первой половине XIX века](#)

Целью исследования является определение роли крепостей в освоении Северного Кавказа Российской империей в конце XVIII - первой половине XIX века. Крепости возводились изначально с оборонительными целями, как основа укрепленных линий, играя важную роль в защите переселенцев из центральных губерний России, мирных горцев от набегов недружественных соседей, обеспечивая безопасность транспортных коммуникаций. Научная новизна исследования заключается в том, что крепости рассмотрены в системе взаимодействия российских властей и местного населения. Полученные результаты можно сформулировать следующим образом: в ходе распространения российского влияния на Северном Кавказе крепости стали играть ключевую роль в восстановлении городской жизни, торговле с местным населением, стали одной из основ для мирной жизни в Кавказском регионе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/5/3.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 20-24. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/5/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47).08

Дата поступления рукописи: 11.04.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.3>

Целью исследования является определение роли крепостей в освоении Северного Кавказа Российской империей в конце XVIII – первой половине XIX века. Крепости возводились изначально с оборонительными целями, как основа укрепленных линий, играя важную роль в защите переселенцев из центральных губерний России, мирных горцев от набегов недружественных соседей, обеспечивая безопасность транспортных коммуникаций. **Научная новизна** исследования заключается в том, что крепости рассмотрены в системе взаимодействия российских властей и местного населения. **Полученные результаты** можно сформулировать следующим образом: в ходе распространения российского влияния на Северном Кавказе крепости стали играть ключевую роль в восстановлении городской жизни, торговле с местным населением, стали одной из основ для мирной жизни в Кавказском регионе.

Ключевые слова и фразы: Северный Кавказ; Российская империя; крепости; укрепленная линия; Отдельный Кавказский корпус; торговля; коммуникации.

Герман Роман Эдуардович, к. ист. н., доц.

Ставропольский государственный педагогический институт
romger@mail.ru

Историческая роль крепостей в освоении Северного Кавказа Россией в конце XVIII – первой половине XIX века

Основной проблемой данного исследования является выявление роли и значения крепостей, начиная с процесса их строительства, в освоении Российской империей Северного Кавказа. **Актуальность** исследуемой проблемы заключается в том, что в статье показано, как Российская империя стремилась обеспечить в Кавказском регионе мирную жизнь, используя для этих целей крепости, опираясь как на их военно-оборонительный потенциал, так и на возможности для развития торговли и мирных отношений с местным населением. Целью данной работы является определение роли укреплений в освоении Северного Кавказа Российской империей в конце XVIII – первой половине XIX века. Исходя из цели, предполагается решить следующие **задачи**: рассмотреть процесс строительства укреплений в регионе; показать военно-оборонительный потенциал крепостей; выявить роль фортификационных сооружений в развитии городов и торговли, мирном взаимодействии российских властей и местного населения.

Представленная работа подготовлена на основе анализа исторических источников, таких как рапорты и донесения военачальников Отдельного Кавказского корпуса, собранных в актах Кавказской Археографической Комиссии [3; 4], письма и воспоминания ведущих военных деятелей Российской империи на Северном Кавказе – А. П. Ермолова [13; 24], Е. А. Головина [9], Д. А. Милютина [23].

Рассматриваемая в статье проблематика нашла отражение в историографии. Роль крепостей в утверждении российской власти на Кавказе исследована в работах историков XIX в. – В. А. Потто [26], Н. Ф. Дубровина [12], Д. И. Романовского [30], Р. А. Фадеева [33]; роль крепостей в экономическом развитии региона показана в трудах И. В. Ровинского [28], Ф. А. Щербины [17]. В советской историографии 20-50-х гг. XX в. крепости рассматривались как одно из средств подавления национально-освободительной борьбы народов Кавказа [25; 32]; в более поздние годы, в 60-80-е гг. XX в., в советской историографии крепости изучались с точки зрения развития производительных сил в Кавказском регионе [10; 18]. В современной историографии роль крепостей анализируется в контексте всего комплекса процессов истории Кавказского региона в XVIII-XIX вв., это характерно для работ О. С. Пылкова [27], Б. И. Гаджиева [8], Ю. Ю. Клычникова [20], О. В. Матвеева [22], Л. В. Романенко [29], Е. И. Иноземцевой [14], М.-П. Б. Абдусаламов и Н. Д. Чекулаева [1], Д. С. Кидирниязова [19].

При работе над данной статьей применялись историко-генетический **метод**, позволивший рассмотреть историческую эволюцию процесса строительства российских крепостей на Северном Кавказе, и историко-системный, который дал возможность рассмотреть российские крепости на Кавказе в системе военно-политических и экономических взаимоотношений. **Практическая значимость** данной статьи заключается в том, что она дает ответ на вопрос об исторической роли России на Кавказе; материалы статьи могут быть использованы при подготовке лекционных курсов и учебных пособий по истории России и истории Северного Кавказа.

В период интенсивного освоения Кавказа Российской империей в конце XVIII – первой половине XIX в. одним из направлений деятельности российских войск в регионе было строительство крепостей. Данные фортификационные сооружения, помимо прямых оборонительных функций, оказывали влияние на экономическое развитие Северного Кавказа, вхождение его в экономическое пространство Российской империи.

Поскольку нападения горцев на российские поселения в регионе были далеко не единичны, Россия была вынуждена строить крепости с тем, чтобы защитить тех, кто будет осваивать новые земли. В 1777-1778 годах на линии от Моздока до Большого Егорлыка построено 10 крепостей, а при них 9 казачьих станиц: при крепостях Екатериноградской, Павловской, Марьинской, Георгиевской, Александровской Волжского казачьего полка; Хоперского казачьего полка при крепостях Сергиевской, Ставропольской, Малковской, Донской. Кроме казаков, при крепостях селились отставные нижние чины. В 1779 году таковых было 332 человека.

«Укрепления Азово-Моздокской линии большей частью были земляными, однако постройка их велась по всем правилам военно-инженерного искусства. Для усиления обороноспособности каждое укрепление получало от двух-трех до нескольких десятков орудий» [21, с. 81].

Также стоит обратить внимание на роль российских крепостей на Северном Кавказе в возрождении городов и городской жизни в регионе. Именно из российских крепостей возникли такие города, как Кизляр и Моздок на р. Терек, Георгиевск и Ставрополь в центре Кавказской линии, Владикавказ на Военно-Грузинской дороге и др. [27, с. 13].

Одной из черт, характеризующих российское военное присутствие в рассматриваемый период в Кавказском регионе, было создание коммуникаций, путей сообщения. Военно-Грузинская дорога – одна из таких коммуникационных артерий. Генерал-инспектор Кавказской линии, главнокомандующий в Грузии П. Д. Цицианов для того, чтобы обеспечить безопасность сообщения по Военно-Грузинской дороге, разработал и реализовал на практике после утверждения императором Александром I проект строительства новых крепостных укреплений на протяжении Военно-Грузинской дороги. Кавказская линия крепостей также должна была стать одной из основ российского влияния в регионе. В центральной части Кавказской линии в 1803 г. была восстановлена крепость Владикавказ, ликвидированная в 1786 г. под давлением неблагоприятных обстоятельств. Как мы знаем, позднее эта крепость превратилась в одноименный город.

Освоение потенциала Кавказских минеральных вод – еще одно направление деятельности подразделений российской армии на Кавказе. В том же 1803 году была основана Кисловодская крепость, которая должна была служить «для прикрытия и безопасности приезжающих... к целительным водам» [3, с. 642]. Параллельно идет и укрепление фортификационных сооружений на правом фланге Кавказской линии. Рядом с крепостями появляются аулы местного населения. У крепости Усть-Лабинской поселяются бесленеевцы, на которых было наложено обязательство предупреждать гарнизон крепости о готовящихся нападениях [Там же, с. 625]. Генералом А. П. Тормасовым в 1810 г. по просьбе ингушей, живших на равнине, было построено Назрановское укрепление.

Заселение и мирное освоение Предкавказья приходилось проводить под прикрытием крепостей и редутов Кавказской линии. К концу первого десятилетия XIX века Кавказская линия имела следующие укрепления, которым в будущем предстояло стать селами, городами и станицами. «Крепости: Кизляр, Шелкозаводская, Моздок, Наур, Екатериноград, Павловская, Марьинская, Георгиевск, Константиногорская, Александровская, Невинная, Северная, Ставрополь, Григория-Полис, Кавказская, Усть-Лабинская, Московская, Донская. Все сии крепости снабжены потребным числом артиллерии и военных людей из полевых полков, состоящих на Кавказской линии» [28, с. 412].

С назначением А. П. Ермолова в 1816 г. на должность командующего войсками на Кавказской линии и в Грузии и прибытием его на Кавказ начался новый этап в освоении региона Российской империей, в том числе в сфере строительства крепостей. Командующий, изучив ситуацию на месте, обратил внимание императора на то, что поселения, расположенные по берегам рек Сунжа и Терек, находятся под угрозой постоянного нападения. Для решения этой проблемы было предложено построить линию укреплений на площади от реки Сунжи до реки Сулак [8, с. 4].

План Ермолова был утвержден императором и на левом фланге Кавказской линии, для того, чтобы удерживать горцев Северо-Восточного Кавказа в состоянии «повиновения», были заложены крепости: Грозная – на реке Сунжа, Бурная – на побережье Каспийского моря, Внезапная – на р. Акташ, Герзель-аул – на р. Аксай. Для строительства крепостей, помимо военнослужащих Отдельного Кавказского корпуса, привлекались представители местного населения – 2 тысячи кумыков и чеченцев, вырубившие «в продолжении 6 дней 5 верст дремучего леса» [16, с. 476].

Выстроенные по предложению А. П. Ермолова крепости образовали две новые кордонные линии. Первая из них начиналась в Грозной по направлению вверх по р. Сунже до пересечения с Военно-Грузинской дорогой; укрепления второй линии кордонов шли на юг через старый Аксай и укрепление Внезапное до границ северного Дагестана. Укрепления служили для защиты «мирных» горцев, принявших присягу на верность России, от их воинственных соседей – «немирных» горцев.

Помимо того, что крепости контролировали стратегически важные направления и обеспечивали безопасность поселений казаков и мирных горцев, укрепления становились центрами торговли, способствуя тем самым экономическому развитию Кавказского региона и мирному взаимодействию местных народов и переселенцев из внутренних губерний Российской империи. В начале 20-х гг. XIX в. была создана Кабардинская оборонительная линия, которую составили укрепления на реках Кубань, Кума, Подкумок, Малка, Черем, Черек, Урух, Нальчик и др. [12, с. 484].

С назначением на должность главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерала И. Ф. Паскевича начался очередной этап строительства российских крепостей на Кавказе, на этот раз – в Закубанье и на Черноморском побережье, то есть на Северо-Западном Кавказе. Строительство крепостей как обозначение пространства российской власти на Кавказе продолжалось как на Северо-Западном, так и на Северо-Восточном Кавказе в 1830-1840-е гг. В период наместничества на Кавказе М. С. Воронцова продолжилось строительство укреплений в Чечне и Дагестане. Постройка укрепления Белореченского в 1852 году положила начало устройству оборонительной линии по реке Белой [30, с. 144].

А. И. Барятинский, будучи наместником Кавказа, во второй половине 1850-х гг. продолжил строительство крепостей в регионе. На правом фланге Кавказской линии восстанавливали крепости, разрушенные в ходе боевых действий, и возводили новые, расположенные на землях черкесов, с целью противодействия набегам и сопротивлению российской власти на Кавказе. В 1857 г. отрядом под командованием генерал-лейтенанта

В. М. Козловского на правом берегу реки Белой была основана крепость Майкоп [22, с. 30-31]. Тогда же, во второй половине 50-х гг. XIX в., возводятся новые укрепления на левом фланге Кавказской линии в Чечне [6, с. 22] и в Дагестане [23, с. 591].

Можно заключить, что к концу 50-х гг. XIX века на Северном Кавказе наряду с укреплениями, возведенными еще в XVIII столетии, усилиями российских военных создается целая сеть фортификационных сооружений, оказавших прямое влияние на историю региона в рассматриваемый период, выполнявших не только оборонительные функции, но и способствовавших укреплению экономических связей и развитию мирного взаимодействия российских властей с местным населением.

Следует отметить, что появление российских крепостей в регионе было обусловлено комплексом факторов: военным – необходимостью обороны южных границ Российской империи и «замирения Кавказа»; административным, так как крепости выполняли роль центров российской власти на местах; экономическим, который выражался в организации торговли – как меновой, так и за деньги – между местным и славянским населением, переселявшимся из внутренних губерний [29, с. 36-37]. Торговля рассматривалась российскими властями как одно из важнейших средств установления мира и усиления российского влияния в регионе. Так, одна из крепостей Дагестана – Темир-Хан-Шура – играла важную не только военную, но и экономическую роль. Через Темир-Хан-Шуру не только передислоцировались войска, но и шли торговые караваны с гор на равнину и в обратном направлении [11, с. 103, 105]. Гарнизоны крепостей занимались также охраной транспортных коммуникаций, которые соединяли Россию с Закавказьем. На Северном Кавказе крепости контролировали пути с гор на равнину [4, с. 498-499], тем самым стремясь противодействовать набегам.

Целью возведения укреплений на правом фланге Кавказской линии были укрепление российской власти в Северном Причерноморье – на территории, расположенной между Кубанью и Черным морем, установление контактов с местным населением. Территория была присоединена к России по Адрианопольскому трактату 1829 г. [2]. Наличие укреплений, как отмечал генерал Г. Х. Засс, даст возможность успешно бороться с враждебными племенами и защищать мирных черкесов [7, с. 12]. Также следует отметить, что ещё одной функцией крепостей было препятствование работорговле, прекращение «позорного торга людьми» [15, с. 282-283], который немирные черкесские племена вели с турками.

Строительство фортификационных укреплений на Северном Кавказе было направлено не только на реализацию функций, связанных с обороной конкретной территории, но и на то, чтобы установить контакт и наладить взаимодействие с местным населением. Крепости и укрепления выполняли функции в сфере торговли между горскими народами и гарнизоном, а затем и всеми желающими. Также взаимодействие проявлялось при строительстве укреплений, проведении разного рода фортификационных работ: так, А. П. Ермолов в письмах сообщал, что крепости строились при помощи местных народов, присягнувших на верность российскому императору [24]. Во время строительства в 1819 г. крепости Внезапной в окрестностях кумыкского аула Эндирей часть местных жителей оказала помощь отряду под командованием генерал-майора А. А. Вельяминова. Владелец Шефи-бек Темиров для возведения крепости предоставил лес в большом количестве и подводы для проведения строительных работ [4, с. 563]. Российские власти также стремились учитывать интересы местных жителей при строительстве крепостей: начало работ было перенесено на более поздний срок в связи с тем, что место, предназначенное для строительства крепости, было засеяно хлебом [13, с. 332].

Неоднократно представители местных элит оказывали помощь при строительстве крепостных укреплений в форме доставки леса. Кумыкский пристав Муса Хасаев в 1820 г. при возведении укрепления Неотступный стан, строительством которого командовал полковник Верховский, «сделал величайшие пособия строевым лесом, доставленным жителями без платы» [4, с. 563-564]. Аналогично поступил и шамхал Тарковский – при возведении крепости Бурной под Тарками им был доставлен строительный материал, а местные жители оказывали помощь солдатам при проведении строительных работ.

Следует отметить, что добровольность и принуждение сочетались российскими властями при создании укреплений. В период нахождения на Кавказе генерала А. П. Ермолова для горцев была определена повинность: они были обязаны участвовать в строительстве крепостей, предоставлять лошадей и подводы для перевозки грузов. Позднее генерал Е. А. Головин, командовавший Отдельным Кавказским корпусом с 1837 по 1842 гг., назвал эти повинности «обременительными», но тем не менее продолжил возведение укреплений как на левом, так и на правом флангах Кавказской линии, а при крепостях по его указанию строились школы и базары [9, с. 227].

В связи с тем, что горцев привлекали на работы по возведению крепостей принудительно, имело место их неповиновение – горцы отказывались принимать участие в работах, не давали арбы и быков для перевозки строительного материала. Например, при возведении крепости Бурной жители селения Оглы отказались предоставить дополнительные рабочие руки, мотивируя это тем, что участие в фортификационных работах отрывает их от сенокоса и жатвы, а жаркая погода привела к нескольким смертельным случаям. Командир 8-го пионерного батальона Апшеронского полка подполковник Евреинов, руководивший строительством Бурной, разобравшись в ситуации, выяснил, что недовольство и сопротивление горцев были вызваны злоупотреблениями местного начальства, поэтому мехтулинцы от наказания были освобождены [20, с. 39].

Привлечение местных жителей существенно влияло на сроки возведения укреплений в сторону их уменьшения, что заставляло российское командование привлекать горцев к строительным работам, используя различные методы. В 30-х гг. XIX в. активно велись работы по строительству крепостей на левом фланге Кавказской укрепленной линии, в Дагестане. В 1837 г. укрепление около села Хунзах было возведено всего за одну неделю. Быстрые сроки строительства объяснялись тем, что к работам были привлечены не только солдаты отряда под командованием генерала К. К. Фезе (Фези), но и хунзахцы. Отдельно стоит сказать о солдатах Кавказского корпуса, на плечи которых ложились не только тяжесть участия в боевых действиях, но и обязанности

по строительству крепостей, прокладке дорог, рубке просек. «Вместе с боевыми подвигами, кавказский солдат был чернорабочий человек: при возведении громадных построек и проведении дорог, очень дешево обходившихся казне, так как солдат получал только по 5 копеек в день... и то не всегда...» [5, с. 200]. Немного позднее, в 1841 году, рядом с аулом Чиркей (бывшим укреплением имама Шамиля, которое было взято без штурма генералом П. Х. Граббе) начали строиться российские укрепления, для чего были привлечены два батальона пехоты Кавказского корпуса, пришлые горцы и жители аулов Черкей и Зубутли [8, с. 60, 87].

Горцы участвовали в строительстве российских крепостей и на правом фланге Кавказской линии, на черноморском побережье Кавказа. Как сообщал генерал-адъютант барон Будберг в 1837 г., горцы, нанятые для работы за плату, скопили траву для гарнизона форта Лазарева, а в 1848 г. для двух фортов – Лазаревского и Головинского – местными жителями был оставлен бутовый камень [17, с. 324]. Контактируя с местным населением, российское командование стремилось демонстрировать мирные намерения. Во время начала строительства укрепления Вельяминовского в 1838 г. командиры запретили солдатам не только приближаться к брошенным горцами аулам, но и рвать фрукты в садах [31, д. 1127, л. 7 об.].

Российские крепости на Северном Кавказе стимулировали экономическое развитие не только местностей, в которых находились непосредственно, но и региона в целом. Так, например, для осетин роль центра экономического развития выполняла Владикавказская крепость, через которую шла торговля с Закавказьем и Ближним Востоком. Именно через Владикавказскую крепость по Военно-Грузинской дороге двигались войска к границам Персии и Османской империи. Постоянное движение войск требовало крупных поставок провианта и фуража. Многие представители местного населения выступали поставщиками для нужд армии или занимались перевозкой военных грузов. Рост доходов от военных подрядов, от перевозки товаров из России в Грузию способствовал процессу первоначального накопления капитала и появлению в городе промышленных предприятий и ремесленных мастерских различного профиля.

По итогам проведенного исследования могут быть сделаны авторские **выводы**. Строительство крепостей велось силами подразделений Отдельного Кавказского корпуса, привлекалось также местное население – как на добровольной основе, так и принудительно. Крепости возводились не в отрыве друг от друга, а с тем, чтобы создать состоящие из них оборонительные линии. В первую очередь крепости выполняли функцию символа и опоры российской власти на Северном Кавказе. Военно-оборонительный потенциал крепостей использовался как база для размещения российских гарнизонов, для защиты переселенцев из центральной части России, мирных горцев и транспортных коммуникаций. По мере укрепления российской власти в Кавказском регионе крепости все более использовались для развития торгово-экономических отношений переселенцев с местным населением, что в итоге стало основой для мирной жизни. Многие крепости превратились в города, возле крепостей шла торговля – как меновая, так и за деньги, что способствовало вхождению территории Северного Кавказа в экономическое пространство всей Российской империи. Данное исследование может быть продолжено в направлении анализа иных средств и методов укрепления российской власти в Кавказском регионе.

Список источников

1. Абдусаламов М.-П. Б., Чекулаев Н. Д. Комендант Дербента: права и полномочия как представителя российской императорской власти в Дагестане (1722-1735 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (40). Ч. 2. С. 13-18.
2. Адрианопольский мирный договор между Россией и Турцией // Под стягом России: сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. С. 102-115.
3. Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссиею (АКАК). Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1869. Т. III. 767 с.
4. АКАК. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1874. Т. VI. Ч. 1. 957 с.
5. Андреев В. Ермолов и Паскевич // Кавказский сборник. Тифлис, 1876. Т. 1. С. 197-213.
6. Вачагаев М. М. Чечня в годы Кавказской войны (1816-1859): автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 1995. 26 с.
7. Выродов Б. Л. Декабристы и Средняя Кубань // Практический опыт краеведения. Армавир, 1994. Вып. 1. С. 6-48.
8. Гаджиев Б. И. Царские и шамилевские крепости в Дагестане. Махачкала: Эпоха, 2006. 256 с.
9. Головин Е. А. Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года. Рига: Тип. Мюллера, 1847. 342 с.
10. Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края, V – сер. XIX в. / отв. ред. В. А. Золотов. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1984. 159 с.
11. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX в.: сборник документов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. 785 с.
12. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6-ти т. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1888. Т. VI. 782 с.
13. Записки А. П. Ермолова. 1798-1826. М.: Высшая школа, 1991. 463 с.
14. Иноземцева Е. И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. 187 с.
15. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. М.: Надыршин, 2008. 831 с.
16. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. М.: Наука, 2004. Т. 1. 627 с.
17. История Кубанского казачьего войска: в 2-х т. / сост. Ф. А. Щербина. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правл., 1910. Т. 1. История края. 429 с.
18. История народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1988. Т. 1. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. 554 с.
19. Кидирниязов Д. С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2013. 456 с.
20. Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). Эссендуки: Изд-во ПГЛУ, 1999. 286 с.

21. **Край наш Ставрополье:** очерки истории / ред. комис.: А. Л. Черногоров и др. Ставрополь: Шат-Гора, 1999. 525 с.
22. **Матвеев О. В.** «Окопались в мае...»: к 150-летию города Майкопа // Вопросы южнороссийской истории. 2008. Вып. 14. С. 28-35.
23. **Миллютин Д. А.** Кавказ в первую половину 1861 года // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 488-624.
24. **Письма А. П. Ермолова Николаю I** // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1862, июль – сентябрь. М., 1862. С. 134-261.
25. **Покровский Н. И.** Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000. 511 с.
26. **Потто В. А.** Кавказская война: в 5-ти т. М.: Центрполиграф, 2006. Т. 2. 591 с.
27. **Пылков О. С.** Участие российской армии в социально-экономическом и культурном развитии Северного Кавказа (первая половина XIX в.): автореф. дисс. ... к. ист. н. Ставрополь, 2008. 25 с.
28. **Ровинский И. В.** Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний: по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб., 1809. 597 с.
29. **Романенко Л. В.** Особенности возникновения северокавказских городов // Археология, этнография и краеведение Кубани: материалы VII краевой межвуз. конф. Армавир, 1999. С. 34-38.
30. **Романовский Д. И.** Кавказ и Кавказская война: публичные лекции, прочитанные в зале Пассажа в 1860 г. Генерального штаба полковником Романовским. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. 403 с.
31. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 13454. Оп. 6.
32. **Фадеев А. В.** О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX веке // Вопросы истории. 1955. № 6. С. 67-77.
33. **Фадеев Р. А.** Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-походная Тип. Главного Штаба Кавказской Армии, 1860. 159 с.

Historical Role of Fortifications in the Process of Russia's Assertion in the North Caucasus at the End of the XVIII – in the First Half of the XIX Century

German Roman Eduardovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Stavropol State Pedagogical Institute
romger@mail.ru

The article aims to identify the role of fortifications in the process of Russia's assertion in the North Caucasus at the end of the XVIII – in the first half of the XIX century. Initially the fortifications were constructed for defence and played an important role protecting the Russian resettlers, peaceful mountaineers from hostile forays, providing transportation security. Scientific originality of the study lies in the fact that the fortifications are considered within the system of interaction of the Russian authorities and the local population. The research findings are as follows: with the spread of the Russian influence in the North-Caucasian region, the fortifications became key factors in restoration of urban life, trade development, laying foundation for peace in the Caucasus region.

Key words and phrases: North Caucasus; The Russian Empire; fortifications; fortified line; Special Caucasian Corps; trade; communications.

УДК 94(47)«16»

Дата поступления рукописи: 03.03.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.4>

В статье представлен анализ причин, по которым Екатерина II приняла решение о присоединении Крыма к России в апреле 1783 года. Автор рассматривает обстоятельства, которые объективно требовали от России выхода на черноморское побережье и присоединения Крымского полуострова, что позволяло сформировать южную границу империи в ее естественных пределах. Включение Крымского полуострова в состав Российской империи обеспечивало новые возможности как в развитии торговли с Европой, так и в защите государства на южном направлении, усилении влияния в черноморском регионе.

Ключевые слова и фразы: Екатерина II; Г. А. Потемкин; Крымское ханство; русско-турецкие войны; Кючук-Кайнарджийский мир; Ясский мирный договор.

Жеребкин Михаил Васильевич, д. полит. н., доц.
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Ялта
m.zherebkin@mail.ru

Присоединение Крыма к России Екатериной II как способ решения исторических задач государства во второй половине XVIII века

После Крымской весны 2014 года и триумфального возвращения Крымского полуострова в родную русскую гавань прошло шесть лет. Несмотря на то, что решение о принятии Автономной Республики Крым